

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

Ключевые концепты короткой психологической прозы

Выпускная квалификационная работа

Исполнитель:

Загвоздина Виктория Павловна
студент 402 группы

Подпись

Квалификационная работа

допущена к защите:

Научный руководитель:

Шустрова Елизавета Владимировна
д. ф. н., профессор

Руководитель ОПОП

44.03.01 – Педагогическое образование

Подпись

Профиль: иностранный язык (английский)

« ____ » _____ 2016 г

Зав. кафедрой

« ____ » _____ 2016 г

Екатеринбург 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ	
ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	7
1.1 Основные подходы к трактовке термина «метафора».....	7
1.2 Основные подходы к трактовке термина «дискурс».....	17
1.3 Основные подходы к трактовке понятия «художественная картина мира»	23
1.4 Основные методики когнитивных исследований.....	25
Выводы по первой главе.....	32
Глава 2. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РАССКАЗАХ К. ВОННЕГУТА.....	32
2.1 Антропоморфная метафора.....	32
2.1.1 Фрейм «части тела и органы».....	33
2.1.2 Фрейм «здоровье, болезни, лечение».....	34
2.1.3 Фрейм «физиологические и физические действия».....	35
2.1.4 Фрейм «состояния организма».....	37
2.1.5 Фрейм «человеческие качества».....	38
2.2 Природоморфная метафора.....	39
2.2.1 Фрейм «метеоусловия».....	39
2.2.2 Фрейм «водные тела».....	40
2.2.3 Фрейм «формы ландшафта».....	42
2.2.4 Фрейм «стадии жизни растений».....	44
2.2.5 Метафорическая модель «вода – это речь».....	45
2.3 Артефактная метафора.....	47
2.3.1 Метафорическая модель «одежда – это внутреннее ощущение человека»	47

2.3.1.1 Фрейм «действия, производимые с одеждой».....	48
2.3.1.2 Фрейм «стиль одежды».....	49
2.3.2 Метафорическая модель «книга – это жизнь».....	50
2.3.3 Метафорическая модель «человек – это механизм».....	52
2.3.3.1 Фрейм «общее наименование».....	52
2.3.3.2 Фрейм «действия, производимые с механизмами».....	53
Выводы по второй главе.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
БИБЛИОГРАФИЯ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию основных концептов короткой психологической прозы на примере рассказов американского писателя Курта Воннегута. Исследование было осуществлено в области когнитивной лингвистики с учетом всех современных тенденций и достижений в сфере лингвистики текста и исследований дискурса различного типа.

Актуальность исследования рассказов американского писателя К. Воннегута состоит в том, что оно позволяет восполнить соответствующие пробелы в науке: изучить рассказы К. Воннегута, которые еще не выступали в качестве объекта лингвистического исследования.

Объектом настоящего исследования являются ключевые концепты в рассказах К. Воннегута.

Предметом исследования стали языковые способы оформления ключевых концептов в рассказах К. Воннегута.

Цель работы: заключается в изучении рассказов К. Воннегута и исследовании их концептосферы.

Названная выше цель определяет постановку следующих **задач** нашего исследования:

1. Определить понятия и структуру концепта, дискурса, концептуальной метафоры и картины мира, выявить основные подходы к их изучению.
2. Изучить выбранные для анализа рассказы К. Воннегута на предмет употребления концептуальных метафор.
3. Выделить основные концепты, с помощью которых осуществляется метафорическое моделирование в рассказах К. Воннегута.

Материал исследования взят из рассказов К. Воннегута «Confido», «Fubar», «Shout About it from the Housetops», «A Song for Selma», «Hall of Mirrors», «The Nice Little People», «Hello, Red», «The Honor of a Newsboy», «Look at the Birdie», «The Good Explainer», «The Big Space Fuck». Материалы

были получены путем сплошной и репрезентативной выборки и составили 412 контекстов.

В качестве основного **метода исследования** в работе был использован описательный метод, реализованный через комплекс более частных методик и исследовательских приемов таких, как метод сплошной выборки, метод репрезентативной выборки, контекстуальный метод, фреймо-слотовая классификация, метод метафорического моделирования.

В **теоретическую базу** исследования входят основные положения теории дискурса (Т.А. ванн Дейк, В.Г. Борботько, Н.Д. Арутюнова, В.В. Красных, В.В. Петров, Ю.Н. Караулов, В.Е. Чернявская, Н.Н. Миронова, М.Л. Макаров, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова), разработки в области исследования концепта (С.Г. Воркачев, И.А. Стернин, А. Соломоник, В.З. Демьянков, М.В. Никитин, В.А. Маслова, А.А. Залевская, Л.О. Чернейко, В.Н. Телия, В.И. Карасик, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов), исследования в области метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, С.Л. Мишланова, А.П. Чудинов, С.А. Хахалова), основные тенденции в изучении языковой картины мира (Г.В. Колшанский, Ю.Д. Апресян, Д.С. Лихачев, Е.В. Рахилина).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлен ряд частных наблюдений и выводов, сделанных в результате анализа конкретного материала.

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование дает материал для дальнейших теоретических обобщений, способствует разработке таких теоретических проблем, как особенности метафорического моделирования короткой психологической прозы.

Поставленная нами цель, а также задачи определили **структуру и объем** настоящей работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Во **введении** определяется главное направление исследования, производится постановка цели и задач, дается обоснование научной новизны

и актуальности работы, описывается материал исследования и основные методы.

В первой главе «**Базовые понятия и теоретические основы когнитивного исследования**» рассматриваются основные подходы к изучению концепта, главные направления в изучении дискурса, наиболее актуальные подходы к изучению метафоры, затрагивается вопрос исследования языковой картины мира, а также выделяются основные методы исследования в когнитивной лингвистике.

Вторая глава под названием «**Ключевые концепты в рассказах К. Воннегута**» посвящена исследованию ключевых концептов в рассказах К. Воннегута.

В **заключении** производится обобщение результатов проделанного исследования.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении работ К. Воннегута и других авторов короткой психологической прозы.

ГЛАВА 1. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование особенностей художественного текста невозможно без понимания сущности основных его компонентов. Основной задачей данной главы настоящего исследования является определение теоретических основ, которые послужат базой для исследования концептосферы рассказов К.Воннегута. В данной главе рассматриваются основные подходы к таким понятиям когнитивной лингвистики, как «метафора», «концепт», «концептуальная метафора», «дискурс», «художественная картина мира», определяются основные методы когнитивного исследования метафоры.

1.1 ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ТЕРМИНА «МЕТАФОРА»

Метафора считается одним из основных способов познания объектов действительности, их наименования, построения художественных образов и создания новых значений. Среди функций метафоры выделяют когнитивную, номинативную, художественную и смыслообразующую функции.

Природа метафоры как объект исследования привлекает мыслителей не первое тысячелетие. В период классической риторики метафора представлялась отклонением от нормы, ее называли переносом имени одного предмета на другой. Среди целей такого переноса исследователи называли заполнение лексической лакуны (в таких случаях реализовывалась номинативная функция метафоры), «украшение» речи, добавление речи убедительности (что является главной целью риторической речи) [Фрейденберг 1936: 110].

Термин «метафора» впервые был введен в употребление Исократом в 383 г. до н.э. Однако первую известную теорию метафоры предложил древнегреческий философ Аристотель. В своих трудах «Поэтика»,

«Риторика» и «Топика» он заложил основы научного изучения этого явления. Метафора в трактовке Аристотеля отражает восприятие философом искусства как подражания жизни и заключается в переносе смысла с одного явления на другое. Аристотель также выделил 4 типа метафорического переноса: с рода на вид, с вида на род, с вида на вид и по принципу пропорциональной аналогии [Прокопьева 2007]. Этот взгляд на метафору Аристотель выразил в «Поэтике»:

«Метафора — перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель 1998].

Древнеримский оратор Цицерон определяет метафору как способ производства новых значений, которых еще нет в языке. Метафорический перенос происходит на основе сходства «ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова». Римский ритор Квинтилиан высказал мнение, что сама природа подарила людям метафору, потому что метафора «содействует тому, чтобы ни один предмет не оставался без обозначения». [Фрейденберг 1936: 110].

Таким образом, в глубинах античной риторической науки сложился взгляд на метафору как неотчуждаемый компонент языка, реализующий номинативные, коммуникативные и познавательные цели. Этот взгляд получил дальнейшее развитие в XX веке и был назван сравнительным, или субституциональным, или традиционным подходом к изучению метафоры [там же].

Заключения, сделанные Аристотелем, стали базой для этого подхода к рассмотрению метафоры. Проблема определения метафоры вышла за границы риторического изучения и перешла в лингвистическую науку. Появилась сравнительная концепция метафоры. По мнению представителей этого направления метафора – это своего рода изобразительное переосмысление «обычного» наименования предмета. По мнению теоретиков данного подхода, метафорическое высказывание связано основывается на сравнении двух объектов.

Сравнительные теории, которые исследуют свойства переноса на основе сравнения в относительно замкнутых смысловых полях, а также нормы понимания метафоры и правила метафорического замещения в основном изучаются в рамках традиционного (сравнительного, субституционального) направления [Апресян 1995, Арутюнова 1992, Виноградов 1953, Гак 1977, Складарская 1993, Черкасова 1968, Шмелёв 1997].

Среди представителей традиционного направления принято разграничивать метафору и другие тропы и языковые явления: сравнение, метонимию, синекдоху и другие. Учеными этого направления движет интерес к семантике метафоры, ее функциям, закономерностям процесса метафоризации, стилистическим возможностям метафоры. В рамках отечественной лингвистики метафора определяется обычно как сжатое сравнение без употребления сравнительных слов «как», «подобно» и др. [Прокопьева 2007].

Представители традиционного подхода не раз предпринимали попытки составить классификацию типов метафор. Наиболее известной классификацией считается классификация, автором которой является Н.Д. Арутюнова. В своей классификации выявляет четыре типа метафоры:

1. Номинативная метафора (перенос названия), которая заключается в замене одного дескриптивного значения другим и служит источником появления омонимов.

2. Образная метафора, которая возникает вследствие перехода идентифицирующего (дескриптивного) значения в предикатное и способствует развитию фигуральных значений и синонимических возможностей языка.

3. Когнитивная метафора, которая производится сдвигом в сочетаемости предикатных слов (переносом значения) и создает полисемию в языке.

4. Генерализирующая метафора, которая является конечным этапом развития когнитивной метафоры, размывает границы между логическими

порядками в лексическом значении слова и провоцирует возникновение логической полисемии в языке [Арутюнова 1998].

Н.Д. Арутюнова говорит также об устойчивости метафор: «рано или поздно метафора исчезает» [Арутюнова 1998: 336]. Наименее устойчивыми по ее мнению можно назвать номинативную и генерализирующую метафоры, когнитивная метафора проявляет несколько большую стойкость, а самой устойчивой называется образная метафора. Чем теснее метафора связана с осуществлением номинативной функции, тем менее она устойчива. Эта функция является вторичной функцией метафоры, переход к ее реализации исключает семантическую двуплановость, и ведет тем самым к гибели метафоры [там же].

Необходимость выйти за рамки языковых ограничений и прибегнуть к рассмотрению экстралингвистических факторов при изучении метафоры приводит к возникновению логико-семантического подхода [Апресян 1995, Телия 1988], в рамках которого рассматривается антропологический фактор в процессе метафоризации. Метафора трактуется как средство создания языковой картины мира человека [Прокопьева 2007].

Однако с развитием психологической науки ученые стали обращать внимание не только на языковую сторону этого явления, но и на ментальную, и трактовка метафоры как сравнения, пусть даже очень многогранного, не смогла справиться с этой задачей. Так, еще Г. Шпет писал: «Надо сразу же отметить как необыкновенно узкое и упрощающее действительное положение вещей то убеждение, что, например, метафора возникает из сравнения, если, конечно, не расширять само понятие сравнения до любого сопоставления» [Шпет 1922]. Это изречение позволяет нам сделать вывод, что метафора – это не сравнение, но сопоставление, и именно в этом контексте её следует рассматривать. Можно предположить, что метафора представляет собой некую ментальную операцию, в основе которой лежит сопоставление двух объектов на основании каких-то сходных признаков.

Эта мысль нашла отклик в статье В.Н. Телия: «Думается, что “нerv” метафоры – некое уподобление, имеющее в исходе сопоставление, которое соизмеряет не целостные объекты, а некоторые сходные их признаки, устанавливая подобие на основе совпадения по этим признакам и гипотезы о возможности совпадения по другим, попадающим в этом сопоставлении в фокус внимания» [Телия 1988].

Дальнейшие попытки исследовать метафору в этом ключе привели к открытию компонентов метафорического переноса.

Согласно М. Блэку, одному из авторов интеракционистской концепции метафоры, в процессе метафоризации происходит взаимодействие двух объектов, или сущностей. Одна из этих двух сущностей – это метафорически обозначаемый объект, цель. Вторая сущность – это вспомогательный объект, который метафорически связывается с обозначаемым, подразумеваемым объектом. Эта сущность выполняет функцию «фильтра» в процессе формирования представления о первой сущности, выставляет на передний план именно ту черту первой сущности, которая легла в основу сопоставления. Примечательно, что используя термин «сущность», М. Блэк подразумевал внеязыковые объекты [Блэк 1965].

И. Ричардс, также изучая аспект интеракции метафоры, считает, в отличие от М. Блэка, что метафорический процесс основывается не на двух экстралингвистических объектах, а на «двух мыслях» об этих объектах. «Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия» [Ричардс 1965: 90].

В.Н. Телия предлагает выделять в структуре метафорической интеракции три комплекса:

1. Первый комплекс представляет собой основание метафоры. Это мысль о предмете, событии, свойстве, устройстве мира и т. д. Она выступает во внутренней речи, появляется еще на довербальном этапе.

2. Второй комплекс, принимающий участие в интеракции, это своеобразное образное представление о вспомогательной сущности. Это представление актуализируется в части метафоры, в которой формируется мысль о мире и соизмерима с этой мыслью как по содержанию, так и по сходству, благодаря чему возникает сама возможность уподобления.

3. Третьим комплексом называется само переосмысление при посредстве метафоризации имени. Значение этого переосмысления выступает посредником между первыми двумя названными комплексами. С одной стороны, это значение включает в метафору само образное представление, соотносимое с референтом данного значения, а с другой – выполняет функцию фильтра, организуя смысл нового понятия, выдвигая на первый план какую-то из его граней.

Таким образом, В.Н. Телия выделяет в структуре метафоры не два компонента, а три, вынося при этом отдельно саму связь между двумя сопоставляемыми сущностями как отдельный гетерогенный компонент.

Также В.Н. Телия говорит о модусе фиктивности, «с которого начинается метафоризация». Модус фиктивности можно охарактеризовать как допущение самого факта подобия формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней образно-ассоциативного представления о другой реалии. Другими словами, модус фиктивности «обеспечивает «перескок» с реального на гипотетическое» и является обязательным условием метафорического переноса [Телия 1988].

Исходя из изложенных выше аспектов интеракционистской концепции метафоры, В. Н. Телия дает такое определение метафоризации: «это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания». Таким образом, язык рассматривается исключительно как средство оязыковления, фиксации какой-то идеи, и это выводит нас к целому направлению языкознания, представители которого изучают язык как вспомогательное средство для актуализации ментальных процессов [там же].

Для когнитивной лингвистики [Блэк 1990, Джонсон 1990, Лакофф 1990, Лангакер 1991, Ричардс 1990, Тёрнер 2003, Фоконье 2003] феномен метафоры стал одним из центральных объектов исследования.

Когнитивный подход представляется на сегодняшний день единственным ключом к решению многих проблем и вопросов, изучение которых ранее оставалось бесплодным из-за отсутствия обращения к анализу познавательных процессов. Когнитивный подход называют также когнитивной наукой, которая в «Новой философской энциклопедии» определяется как «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей». Однако в течение двух последних десятилетий когнитивные исследования настолько расширили область своей проблематики, что сейчас принято говорить именно о когнитивном подходе в науке. При этом когнитивный подход применяется в исследованиях самых разных предметных полей. Сегодня возможно решение традиционных для совершенно разных наук проблем методами, опирающимися на когнитивные аспекты и исследование процессов познания, восприятия, мышления, понимания и объяснения. Эти процессы и называются когнитивными процессами.

Исследования в рамках когнитивной лингвистики посвящены в первую очередь проблеме категоризации окружающей человека действительности, и именно в этом процессе особую роль играет метафора, которая понимается как проявление аналоговых возможностей разума человека. Так, ученые этого направления в изучении метафоры полностью отказались от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», а также от присущей структурализму ориентации на изучение «собственно языковых» закономерностей метафоризации. Современная когнитивистика рассматривает метафору как ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи

метафор тот мир, в котором он живет [Чудинов 2001: 31]. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, «метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления... метафора - это перенесение имени» [Ортега-и-Гассет 1990: 305].

Исследование метафоры в рамках когнитивного подхода возможно благодаря ее двойственной природе: ментальный характер и познавательный потенциал метафоры, онтологический и эпистемологический аспект соответственно.

Причина возникновения когнитивной метафоры – это сдвиг сочетаемости предикатных слов, или предикатных признаков. Таким образом, механизм метафоры – это категориальный сдвиг, то есть источник метафоризации – ошибка в таксонимии объектов [Арутюнова 1979: 168]. Метафору относят к универсальным гносеологическим механизмам, она является одним из инструментов представления знаний на уровне концептов, а значит, метафора – это когнитивный механизм.

Концепт называют «хранящейся в индивидуальной либо коллективной памяти значимую информацию, обладающую определенной ценностью» [Карасик 2004: 128], «живым знанием – продуктом переработки вербального и невербального опыта» [Маслова 2004: 70], совокупностью образов, которые ассоциируются с некоторой абстрактной сущностью [Чернейко 1995].

Усреднив представления разных ученых о природе концепта, можно сделать выводы, что концепт – это минимальная абстрактная единица человеческого опыта, содержащаяся в сознании человека или общества и вербализующаяся при помощи языковых средств; ментальное образование с подвижными границами; основная единица человеческого сознания, способная образовывать в сознании концептуальную картину мира. На этих концептах и строится метафора. Именно концепты уподобляются друг другу, и это делает возможным метафорический перенос.

Метафоризация в языке возможна именно потому, что в концептуальной системе человека тоже существуют метафоры. Такие

когнитивные метафоры объединяют разные концептуальные категории, устанавливая ассоциативные связи между ними, связывая их на основе подобия в каком-либо аспекте. Именно на этих связях строятся языковые метафоры. Универсальный характер метафоры при этом понимается как наличие такого механизма построения подобных связей в сознании любого из людей, и это не зависит от языка, на котором он говорит.

Метафоризация опирается на способность человека сравнивать, соизмерять, уподоблять, ассоциировать. И если мы говорим о метафоре, то сравнение и уподобление происходит на концептуальном уровне человеческого сознания, то есть уподобляются друг другу именно концепты.

Рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, Е.С. Кубрякова определяет концептуализацию как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания», а когнитивной метафоре приписывается статус одной из форм протекания процесса концептуализации.

Способность человека осознавать и создавать отношения подобия между различными категориями объектов, то есть между различными концептами, и есть источник когнитивных метафор [Кубрякова 1997: 53–55].

При самом общем подходе к изучению метафоры, метафора определяется как выражение одного объекта действительности через другой объект, либо одной категории через другую, а значит, одного концепта в системе человеческого знания через другой концепт, то есть метафору можно назвать одним из путей выражения человеческого знания в языковой форме. Функционирование метафоры в сознании человека можно охарактеризовать как форму сложной организации мыслительного пространства. Сложные ненаблюдаемые мыслительные объекты сопоставляются с более простыми или конкретно наблюдаемыми мыслительными объектами и реализуются через них в процессе постижения человеком сложных вещей. Метафорический характер мышления рассматривали Ф. Ницше, М. Бирдсли,

Д. Вико, А. Ричардс, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Э. МакКормак, М. Блэк, М. Эриксон, Э. Кассирер и другие [Арутюнова, Журинская 1990: 31].

Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор», но большинство людей не осознает метафоричности многих слов: «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [Jaunes 1976: 50]. По мнению Дж. Джейнса, понять что-то, значит, найти хорошую метафору.

Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 2004: 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В другой работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры - в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993: 91].

В метафоре содержатся две важные области указания на окружающую действительность: донорская зона и реципиентная зона. Донорская зона – это область-источник концептуализации. Считается, что область-источник для человека понятнее, конкретнее. Реципиентная зона, или область-мишень концептуальной метафоры содержит указание на тот объект, который выражается метафорически. Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет

нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Лакофф 1993: 245].

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор». В дескрипторной теории метафоры метафорическая проекция представляет собой функции отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается «областью отправления» функции отображения, а цель – «областью прибытия». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует – от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области назначения метафорической функции отображения может быть взаимнооднозначным.

1.2 ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ТЕРМИНА «ДИСКУРС»

С момента зарождения самого понятия «дискурс» смысл, вкладываемый в него, претерпел множество видоизменений. Ученые находили новые грани в раскрытии этого термина, расширяя, уточняя и систематизируя суть этого явления. Однако не все исследователи разделяли одну и ту же идею о понятии «дискурс», и сегодня мы имеем целый ряд трактовок этого термина.

В целом, дискурс трактуют как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы (знания о мире, умения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста

[Хурматуллин 2009], процесс целенаправленного и культурно детерминированного речепорождения и речевосприятия.

Изначально понятие «discours», существующее во французском языке, означало диалогическую речь. Так определяли этот феномен в период, когда лингвистика изучала изолированное высказывание. Затем, в следующий период развития лингвистической науки, ученые перешли к исследованию связного целостного завершённого текста, что было обусловлено «стремлением рассмотреть язык как средство коммуникации и изучить связь языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст» [Хурматуллин 2009: 32]. Текст рассматривался как акт коммуникации, и именно в этом ракурсе его называли дискурсом.

Однако со временем в теории дискурса стали разграничивать понятия «текст» и «дискурс». Было выявлено, что дискурс – частный случай текста. Текст не всегда представляет собой связную речь – обязательное условие дискурса, следовательно, текст – более общее понятие. «Дискурс всегда является текстом, но обратное неверно» [Хурматуллин 2009: 32]. Определение В.Г. Борботько представляет краткое резюме этой мысли: «Дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько 1981: 8].

В современном языкознании решающая роль в изучении понятия «дискурс» принадлежит Т.А. ван Дейку, который определяет дискурс как вербальный продукт коммуникативного действия, рассматривая его с позиции динамической природы и понимания. Исследователь дифференцирует понятия «дискурс» и «текст», трактуя первое как актуально произнесенный текст, а второе – лишь как абстрактную грамматическую структуру произнесенного [Дейк ван 1989].

В современной лингвистике теория дискурса получила еще большее развитие. Выделяются несколько подходов к трактовке понятия «дискурс».

Коммуникативный (функциональный) подход [Карасик 1999, Гаспаров 1996, Олянич 2007, Арутюнова 2003, Тубалова 2010] рассматривает дискурс как «некую знаковую структуру, которую делают дискурсом ее объект, субъект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик 1999: 5].

Для коммуникативного подхода характерно положение о взаимодействии двух текстов – текста-источника и текста-результатирующего.

М.Л. Гаспаров: Речевой поток говорящего строится из единиц языковой системы, которые образуют «фон» высказывания. В этот фон «вписываются» готовые «коммуникативные фрагменты». Такие фрагменты имеют самостоятельное значение за пределами производимого текста. Таким образом, речевой поток имеет «горизонтальное и вертикальное» развертывание. Это и есть дискурс [Гаспаров 1996: 91].

Н. Д. Арутюновой принадлежит выражение «дискурс – это речь, погруженная в жизнь». Дискурс рассматривается как «речь, вписанная в коммуникативную ситуацию», подчеркивается интеракциональная природа дискурса [Арутюнова 2003: 121].

Н.Д. Олянич считает, что дискурс появляется, когда для решения коммуникативной задачи автор использует факты «иноречевой среды» – «отсылки к чужому опыту и метафорическая презентация этого опыта» [Олянич 2007: 53].

И.В. Тубалова рассматривает дискурс его как «полифоническую структуру», а именно – как «такой способ организации информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших нагруженность в конкретно-ситуативной реализации текста» [Тубалова 2010: 75]. Полифоническое включение – единица такой структуры, речевой фрагмент, отягощенный «дотекстовой информацией», «унаследованной» из предыдущих текстов.

Социально-коммуникативный (социально-прагматический) подход [Хабермас 2003] изучает социальный аспект дискурса – «диалогическую интенцию».

Ю. Хабермас рассматривает дискурс как особый принцип общения, в котором коммуникация между сторонами направлена на достижение согласия. Дискурс, согласно теории Ю. Хабермаса, это своего рода диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний с целью достижения взаимопонимания. «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования» [Хабермас 2003: 67]. Ю. Хабермас разработал этическую теорию дискурса, которую назвал «этика дискурса», а также правила и принципы правильного дискурса. В определении правильного «нормативного» дискурса Ю. Хабермас использует понятие «сократический диалог». Суть выведенных правил сводится к созданию и поддержанию «публичной, равноправной и непринужденной коммуникации» [Хабермас 2003].

Лингвокультурный подход [Стернин 2007, Леонтович 2008] изучает реализацию и функционирование социокультурного компонента в дискурсе. Исследователи этого направления считают, что при анализе конкретной дискурсивной модели необходимо учитывать культурологические и исторические аспекты формирования и функционирования языковых единиц, входящих в данную дискурсивную модель. И.А. Стернин считает, что «национальная специфика семантики лексической единицы представляет собой отличие ее по составу от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи близких по семантике слов другого языка, а также случаи полной безэквивалентности значения» [Стернин 2007: 99]. По мнению О.А. Леонтович, культурное значение дискурса – это внеконтекстная, статичная сущность, «закрепленное за языковой единицей содержание, маркированное с точки зрения его национальной или этнической принадлежности» [Леонтович 2008: 302].

Согласно М. Фуко, дискурс включает в себя анонимные, исторические, детерминированные временем и пространством правила, которые определяют условия взаимодействия высказывания в данный исторический период, а также в данном социальном, экономическом, географическом или языковом окружении [Чернявская 2001: 11]. Данный подход к трактовке термина *дискурс* значительно углубляет его семантическую составляющую и дает нам основание рассматривать его как «язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [Миронова 1997: 53]. Из этого следует, что составляющими дискурса являются участники коммуникации, ситуация общения и непосредственно текст.

Французская школа анализа дискурса (М. Фуко, М. Пеше, Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин и др.) ставит перед своими исследованиями задачу обобщения различных средств выражения одного содержания, а также статистический анализ полученных данных.

Предметом исследования в данном случае является не один конкретный текст, а множество текстов при учете их исторической и социокультурной направленности, их взаимосвязей друг с другом. Внимание уделяется не только вербальная информация, но и отношение к этому автора, иными словами, как сказанное, так и не сказанное.

Когнитивный подход [Кубрякова 2004, Олешков 2010, Кибрик 2003] рассматривает дискурс как «перекресток когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 132], то есть для когнитивистов природа дискурса двойственна и заключается в паре «текст плюс система ассоциаций».

В основе когнитивного анализа дискурса лежит выяснение роли того или иного языкового средства в организации текста. При этом М.Ю. Олешков считает, что «важное место отводится не только коммуникативной природе текста, но и когнитивной специфике его бытования» [Олешков 2010: 58].

Е. С. Кубрякова подчеркивает: «...каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 132].

А.А. Кибрик видит когнитивное исследование дискурса в процессе «когнитивно-дискурсивного моделирования», в ходе которого определяется базовый концепт дискурса – смысловое ядро, и периферия – совокупность «интенционально обусловленных локальных концептов» [Кибрик 2003: 39].

В рамках семиотического подхода [Эко 1998] дискурс понимается как знаковая система, обладающая двумя планами: 1) видимый план – уровень репрезентантов или внешних представлений смыслов и значений; 2) ментальный план – уровень интерпретантов или способов расшифровки смыслов и значений.

Э. Эко вводит термин «культурный код», который означает знак, репрезентанта подразумеваемого объекта. По его выражению, культурный код «означает переход от мира сигнала к миру смысла» [Эко 1998: 47]. Культурный код не является точной копией, отражением реально существующего объекта, это символ, и может быть раскрыт путем интерпретации, а не перевода.

Р. Барт назвал дискурс «империей знаков». Особенность его «империи» состояла в том, что Р. Барт включал в понятие «дискурс» не только вербальные знаки, но и невербальные – ритуалы, планировку города, предметы интерьера и др. «Дискурсы трактуются Р. Бартом как социальные знаки, наполненные общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием. Социальными знаками являются не только слова, но также и образы, и вещи, которые сообщают нам нечто значимое» [Русакова 2008].

Изучив казанные выше подходы к трактовке термина «дискурс» мы придерживаемся такого определению этого феномена: дискурс – это совокупность вербализованной речемыслительной деятельности и текста, который создан в ходе акта коммуникации с учетом как языковых, так и

внеязыковых параметров. В дискурсе как в процессе речевой деятельности представлена не только вербальная информация, но и множество субъективных, социокультурных, стереотипных и иных смыслов высказывания. При построении дискурса говорящему приходится учитывать особенности взаимоотношения с получателем сообщения, выражая не только информацию, но и свое к ней отношение, оценки, намерения и многое другое.

Изначально явление дискурса рассматривалось только лингвистической наукой. По мере того, как в науке укреплялось понимание глубинной и фундаментальной связи языка и мышления, многие другие науки заинтересовались этим феноменом. Такие науки как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная психология, антропология, этнография, философия, социология, литературоведение рассматривают дискурс с других сторон. Тем не менее, нельзя недооценить вклад лингвистов в развитие изучения и анализа дискурса.

1.3 ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА»

Раньше в фокусе исследователей литературных произведений оказывалось непосредственно языковое содержание текста. С развитием психологического знания и когнитивной науки ученые стали обращать внимание на связь языка и ментальности. Многие понятия, веками существовавшие в науке, были переосмыслены, целый ряд новых для науки явлений был открыт для изучения. В числе таких не исследуемых ранее явлений оказалось явление художественной картины мира.

Появление в науке нового феномена потребовало дать ему четкое и однозначное определение, однако, также как и понятия «метафора» и «дискурс» феномен художественной картины мира понимается в науке по-разному. Это новое явление пришлось «встраивать» в систему других

существующих понятий, таких как концептосфера, идиостиль, явление «когнитивного бессознательного» общества. Ученые по-разному решили эту задачу. Существуют определения, в который художественная картина мира отождествляется с другим существующим феноменом, но уточняется, что она отличается большим или меньшим проявлением одной из тождественных характеристик.

С.М. Богатова вкладывает в понятие художественной картины мира «принципиальную целостность,... идеальность содержания» которую не в полной мере несет понятие «идиостиль» – «систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Богатова 2007]. Однако само понятие идиостиля не имеет окончательного, разделяемого всеми определения, поэтому выстроенная на его основании трактовка другого термина может запутать.

По мнению Е.В. Бабаевой, художественная картина мира – это сложное ментальное образование, целостный непротиворечивый образ, особым образом структурированное представление о мироздании, призванное вызывать у людей ощущение гармонии и порядка во Вселенной и социуме. Это семантически организованное пространство, воплощенное в системе значений и смыслов, где в фиксированном виде содержатся обобщенные представления о жизненной реальности, приобретенные индивидом или обществом. Содержание художественной картины мира зависит как от объективных факторов, таких как историко-культурная ситуация, национальное мировоззрение, так и от субъективных – личный опыт. Уникальной художественной картиной мира может обладать и общество, и отдельный человек, и конкретное художественное произведение [Бабаева 2004].

Этого взгляда на определение термина «художественная картина мира» мы будем придерживаться в нашем исследовании.

1.4 ОСНОВНЫЕ МЕТОДИКИ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Когнитивная наука – «это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности» [Маслова 2004: 5]. Поскольку основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания является язык, то когнитивная наука обратила свой взор на языкознание, породив, таким образом, новую науку – когнитивную лингвистику.

Когнитивное направление лингвистики изучает связь языка и сознания. Когнитивный анализ направлен на изучение категоризации и концептуализации действительности человеческим мышлением, учитывая при этом субъективность восприятия мира, «различных фокусов его восприятия, профилирования, степени детализации, использования не строго логических, а естественных категорий, «наивного» членения мира» [Чудинов 2001]. Язык воспринимается как один из компонентов человеческого мышления, который не может существовать и изучаться отдельно, изолированно от когнитивных процессов.

Метафора для представителей когнитивной лингвистики, это ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы. «Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления» [Чудинов 2001: 11]. Метафоры рассматриваются когнитивистами как «схемы» мышления. Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [Чудинов 2003: 70].

Термин «модель» впервые употребил Д. Н. Шмелев, который писал о распространенности «контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую модель» [Шмелев 1964: 64].

В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – «это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис» [Чудинов 2001: 28].

Исходя из этого, концептуалисты при анализе метафоры принимают во внимание кроме собственно метафор также сравнительные обороты, перифразы, метонимические обороты, а также иные образные средства. При этом специалисты когнитивной лингвистики учитывают не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования. В когнитивном анализе метафоры равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Другими словами, понятийное сближение представляется для когнитивистов более важным фактором, чем уровневые или структурные различия [Чудинов 2001].

Представители когнитивной лингвистики рассматривают метафору не как скрытое сравнение, а целью при изучении метафорической модели является не изучение собственно языковых особенностей построения речи. Первостепенное внимание уделяется изучению метафоры как источника сведений об организации человеческого мышления. «Производящее и производное (метафорическое) значения имеют общие компоненты, которые могут представлять интерес при анализе метафоры, но более показателен анализ ментальных пространств (понятийных сфер), к которым относятся прямое и метафорическое значения слова» [Чудинов 2001: 37].

Значение слова является частью общей понятийной системы человека. Оно определяется особенностями концептуализации мира человеком,

которые в свою очередь обусловлены опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению.

Ученый когнитивной лингвистики А.П. Чудинов выделяет такие признаки метафоры, исследуемые при анализе метафорической модели:

«1. Исходную понятийную область (иначе ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии), то есть семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении.

2. Новую понятийную область (ментальную сферу-мишень, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии), то есть семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении.

3. Типовые для данной модели сценарии, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций.

4. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). По определению В.З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова 1996: 188].

5. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. При характеристике составляющих слота мы используем термин «концепт»; для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание

результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Кубрякова 1996: 90]. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) – это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е.В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [Рахилина 2000: 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу.

6. Компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц и дает основания для метафорического использования соответствующих концептов. С помощью этого компонента понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы» [Чудинов 2001: 45–46].

В представленном списке присутствуют такие элементы как фрейм и слот. А.П. Чудинов использует в своих исследованиях так называемый «метод фреймо-слотового анализа». Фреймо-слотовый анализ опирается на систему узлов значения и отношений между ними, которую и составляет в представлении когнитивистов внутренняя структура многозначного слова. Между этими узлами значения выстроены отношения различной степени близости и природы. «Вершинные уровни фрейма фиксированы и всегда соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации. Ниже этих узлов – терминальные узлы, то есть слоты» [Минский 1979: 11].

А.П. Чудинов так описывает принцип фреймо-слотового анализа: «Если использовать метафорический образ, то сценарий модели можно сопоставить с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм – с отдельным кадром, а слот – с его частью. Если быть более точным, то сценарий модели следовало бы сравнивать не с каким-то конкретным

фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра (детектив, «мыльная опера» и т. п.). Соответственно фрейм – это как бы типичный кадр из соответствующих фильмов (например, полиция преследует преступников), а слот – типовой компонент такого кадра» [Чудинов 2001: 47].

Существуют и другие методы изучения когнитивной метафоры, которые нередко дополняют друг друга в когнитивных исследованиях. Во-первых, это метод лексикографического исследования, в рамках которого производится анализ данных из толковых, синонимических, фразеологических, этимологических и иных словарей и толкование значений компонентов метафоры, их имен и ближайших обозначений [Карасик 2004]. Во-вторых, метод ассоциативного анализа, который заключается в выявлении ассоциативного компонента концепта. В-третьих, существует метод построения гипотезы, предполагающий определение доминантной идеи метафоризированной единицы, подлежащей анализу, и последующую проверку выдвинутой гипотезы на лексическом материале. В-четвертых, используется описательный метод и, наконец, метод построения концептосферы, который подразумевает исследование вербальных единиц в аспекте их ментальной сущности.

В ходе когнитивного анализа метафорической модели лингвисты определяют такие ее характеристики как продуктивность – «способность к развертыванию и типовые направления развертывания» [Чудинов 2001: 47], частотность, прагматический потенциал – «типовые особенности эмоционального воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям» и некоторые другие черты. Чем детальнее структурирована понятийная сфера-источник, чем больше номинативные возможности понятийной сферы-донора, тем больше потенциал метафорической модели.

Используемая в когнитивной лингвистике методика описания метафорических моделей не является чем-то раз и навсегда данным, она

постоянно совершенствуется и во многом зависит от задач исследования, его материала и теоретических взглядов исследователя.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Проведенный в настоящей главе анализ базисных понятий когнитивной лингвистики и основ когнитивного исследования дает нам основания сделать следующие выводы, важные для дальнейшей работы с метафорическим моделированием:

Концепт – это минимальная абстрактная единица человеческого опыта, содержащаяся в сознании человека или общества и вербализующаяся при помощи языковых средств; ментальное образование с подвижными границами; основная единица человеческого сознания, способная образовывать в сознании концептуальную картину мира.

Дискурс – это совокупность вербализованной речемыслительной деятельности и текста, который создан в ходе акта коммуникации с учетом как языковых, так и внеязыковых параметров.

Метафора изучается как результат формирования в сознании человека субъективных образов, отражающих сущность предметов и явления окружающей действительности.

Художественная картина мира – это сложное ментальное образование, целостный непротиворечивый образ, особым образом структурированное представление о мироздании, призванное вызывать у людей ощущение гармонии и порядка во Вселенной и социуме. Это семантически организованное пространство, воплощенное в системе значений и смыслов, где в фиксированном виде содержатся обобщенные представления о жизненной реальности, приобретенные индивидом или обществом.

Основными методами когнитивного исследования являются метод лексикографического исследования, метод ассоциативного анализа, метод построения и проверки гипотезы, а также метод описания концептосферы. Наиболее актуальным подходом и исследованию метафоры является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕДУЩИХ КОНЦЕПОВ В РАССКАЗАХ К. ВОННЕГУТА

В этой главе рассмотрены основные типы метафор, встречающихся в рассказах американского писателя К. Воннегута, а также относящиеся к ним метафорические модели. Фреймо-слотовая структура всех моделей проиллюстрирована примерами из рассказов. Наиболее частотными оказались следующие типы метафор: *антропоморфная, природоморфная и артефактная метафора*.

2.1 АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА

Этот тип метафоры основывается на сопоставлении предметов и явлений объективной действительности с человеком, человеческим организмом и аспектами его жизнедеятельности, а также с человеческими качествами.

Человек представляет окружающий мир в виде метафорической копии собственного тела, его частей, внутренних органов, приписывает ему собственные психические процессы, эмоции, состояния.

Использование антропоморфной метафоры характерно для метафорического моделирования в рассказах К. Воннегута. Эта метафорическая модель объединяет образы, основанные на сопоставлении неодушевленных предметов и человеческого организма.

Можно обозначить эту метафорическую модель как: ОБЪЕКТ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ – ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Фреймовая структура этой метафоры выглядит следующим образом:

1. фрейм «части тела и органы»;
2. фрейм «здоровье, болезни, лечение»;
3. фрейм «физиологические и физические действия»;
4. фрейм «состояния организма»;
5. фрейм «человеческие качества»;

Далее мы рассмотрим эти фреймы подробно.

2.1.1 ФРЕЙМ «ЧАСТИ ТЕЛА И ОГРАНЫ»

Данный фрейм опирается на метафоризацию частей и органов человеческого тела. В структуре этого фрейма можно выделить слоты «сердце» и «носовые проходы».

Слот «сердце» можно найти в следующих примерах:

1) *She's harmless, her crooked husband's harmless and a poor thing, everybody's harmless. And, after arriving at that **bighearted conclusion**, what have you got left for yourself?* (Confido)

2) *But no matter how foolish and rambling the letters might be, it was Fuzz's duty to reply to them warmly, to prove what the Public Relations Department proved tirelessly—that **the General Forge and Foundry Company had a heart as big as all outdoors**.* (Fubar)

Одна из дефиниций лексемы «heart», представленных в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English»: «the part of your body that feels strong emotions and feelings». Таким образом, факт обладания компанией большим сердцем символизирует человечность этой фирмы, заботу о потребителях.

Слот «носовые проходы»:

*The leaking showerheads next door suddenly decided to inhale noisily. And then, **their nasal passages seemingly cleared**, they resumed their dribbling once more.* (Fubar)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «passage» как «a tube in your body that air or liquid can pass through». Шланги душевых установок называются носовыми проходами, а неожиданный и резкий шум в трубах с сильным втягиванием воздуха через нос. Сопоставление происходит на основании компонента «трубка для воздуха или жидкости».

2.1.2 ФРЕЙМ «ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНИ, ЛЕЧЕНИЕ»

Данный фрейм метафоризирует такой аспект человеческого тела как состояние здоровья. В рассказах К. Воннегута этот фрейм представлен слотами «здоровье» и «болезнь».

Слот «здоровье»:

*This is just between us, anyway, and it's good to bring those things out in the open now and then. **It's healthy.** (Confido)*

Дефиниций лексемы «healthy», представленных в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English»: «good for your body», «...natural, normal, and sensible», «working effectively and successfully». То есть, обсуждение проблемы в отношениях между людьми называется здоровым, потому что оно полезно для отношений, свидетельствует об их правильной, «здоровой» работе, и является нормальным и естественным действием в целом.

Слот «болезнь»:

*This is **a sick, sick city**, with thousands upon thousands of mentally ill people for whom nothing is being done. (Look at the Birdie)*

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» лексема «sick» определяется как «suffering from disease or illness» и «unhealthy», а лексема «unhealthy», в свою очередь, как «likely to make you ill» и «not normal or natural and likely to be harmful». Таким образом, город в рассказе страдает от болезни, как мог бы страдать человек. Такой город не функционирует нормально, как не должным образом тело больного человека, появляются девиации, отклонения, увечья и уродства.

2.1.3 ФРЕЙМ «ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ»

В рамках данного фрейма происходит метафоризация физиологических процессов и физических действий, производимых организмом, например, дыхание, питание, перемещение, и т.д. В исследуемом материале фрейм «физиологические и физические действия» представлен слотами «дыхание», «испражнение», «отрыгивание».

Слот «дыхание» представлен в следующем примере:

*The leaking showerheads next door suddenly decided **to inhale** noisily. And then, their nasal passages seemingly cleared, they resumed their dribbling once more. (Fubar)*

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» лексема «inhale» определяется как «breathe in air, smoke or gas». Лексема «leaking» подразумевает течение воды, которое в английском языке передается лексемой «run». И, так как в данном контексте протекающие трубы уподобляются носовым проходам, эти две части одного контекста может соединить выражение «running nose», обозначающее насморк «жидкого качества». Когда человек с насморком пытается вдохнуть воздух, втянуть его с силой, это вызывает сильный дискомфорт, а также чувство неловкости, если рядом находятся другие люди. И как раз это ощущение испытывает главный герой рассказа в описываемый момент времени, параллельно душевым установкам.

Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «втягивание воздуха».

Слот «испражнение» можно проиллюстрировать примером.

*...a serious effort to make sure that human life would continue to exist somewhere in the Universe, since it certainly couldn't continue much longer on Earth. **Everything had turned to shit** and beer cans and old automobiles and Clorox bottles. (The Big Space Fuck)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «shit» как «solid waste that comes out of your body from your bowels», «body waste». Очевидно, что этот объект возникает как результат

переваривания, «переработки» живым организмом, например, человеческим, других объектов, принадлежащих окружающей действительности, природе. Связав оба предложения анализируемого контекста, можно понять, что планета Земля в рассказе «переработана» человеком. И так как лексема «shit» является очень грубым словом, то человек не просто переработал и переварил планету, а сожрал ее. Благодаря коннотативным значениям в структуре этого слова, человек представляется грубым животным, бесконтрольно эксплуатирующим и уничтожающим планету.

Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «переработка».

Слот «отрыгивание»:

*An interesting thing happened in the Hawaiian Islands, where they had been throwing trash down extinct volcanoes for years: a couple of the volcanoes all of a sudden **spit it all back up**. (The Big Space Fuck)*

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» приводится такое определение лексемы «spit up»: «if someone, especially a baby, spits up, they bring a small amount of food or drink up from their stomach out through their mouth». Вулкан не смог «проглотить» мусор и отходы, которые в него бросали, и «отрыгнул» их назад. Лексема «swallow» в английском языке подразумевает не только физическое проглатывание воды или пищи, но также, например, принятие какого-то факта, «проглатывание» эмоций, чувств. Получается, что природа в рассказе не смогла снести, вытерпеть действия человека.

2.1.4 ФРЕЙМ «СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗМА»

Данный фрейм опирается на метафоризацию состояний человеческого организма. В анализируемых рассказах в процессе метафоризации участвуют два состояния: жизнь и смерть, они и составляют слоты фрейма «состояния организма».

Слот «жизнь»:

*Occasional separate vacations **keep romance alive**, even after years and years. (Confido)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «alive» как «still living and not dead», «continuing to exist» и «full of energy, happiness and activity».

Таким образом, роман, отношения между двумя людьми в анализируемом контексте не просто продолжит свое существование, ему будет свойственна активность, жизнедеятельность и жизнеспособность, развитие, присущее живым существам.

Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «продолжение существования».

Слот «смерть»:

1) *And she got into the old Chevrolet, got in and punched down the starter. Nothing happened. **The battery was dead**. (Shout about it from Housetops)*

2) *His **chuckle died** as Red glared at him. (Hello, Red)*

3) ***The sentence died**, unfinished. (Hello, Red)*

В словаре «Longman Dictionary of contemporary English» даются такие определения лексемы «dead»: «no longer alive» и «not working because there is no power». Значит, первый пример можно охарактеризовать как случай употребления образной стертой метафоры. Аккумулятор не просто перестал работать, он «умер», и нет никакой надежды, что он заработает снова.

Лексема «die» определяется как «stop living and become dead» и «stop existing». То есть, создается эффект не просто остановки действия, например, смеха, акта говорения, а прекращения их существования, полнейшего исчезновения из действительности, настолько они ей не соответствовали.

Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «прекращение».

2.1.5 ФРЕЙМ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА»

Данный фрейм опирается на приписывание предметам человеческих качеств, чувств, свойственных человеку, и содержит слоты «беспомощный» и «болезненный».

The shack was rickety and helpless-looking on pilings in the river mouth, connected to the salt marsh shore by two springy planks. (Hello, Red)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» трактует лексему «rickets» как «a disease that children get in which their bones become soft and bent, caused by a lack of vitamin D». Лексема «helpless» объясняется как «unable to look after yourself or to do anything to protect yourself». То есть, хижина выглядела чахлой, рахитичной, больной, слабой, а также беззащитной и беспомощной. Если зайти дальше в анализе этого контекста, то стоит упомянуть, что описание жилища какого-то персонала – это контейнерная метафора, и все называемые характеристики жилища переносятся на образ жизни этого персонажа и на него самого. Таким образом, в этом случае черты человека сначала присваиваются предмету, а затем черты предмета – человеку.

Можно с уверенностью сказать, что данный тип метафоры является самым частотным для анализируемого материала.

2.2 ПРИРОДОМОРФНАЯ МЕТАФОРА

Живая и неживая природа не просто окружает нас, мы живем в ней. Не смотря на то, что за последние десятилетия процесс урбанизации вытеснил из нашей повседневной жизни естественные формы ландшафта, диких животных и саму потребность взаимодействовать с природой, в ней все еще присутствует смена дня и ночи, чередование времен года, небесные тела. Природа все так же служит человеку образцом, моделью, в соответствии с которой он познает и описывает окружающую его реальность. Человек отождествляет аспекты социальной жизни, взаимоотношения с людьми, периоды своей жизни, события в ней, и даже свои чувства, эмоции и настроение с объектами живой и неживой природы. Эти связи очень прочно укоренились в нашем сознании, и такое отождествление формирует в результате нашу языковую картину мира. Действительность осознается человеком понятиями и концептами окружающей его природы.

Таким образом, в эту группу входят метафоры со сферой-источником «природа». Источниками метафорической экспансии в анализируемых рассказах выступают такие понятийные сферы как «мир животных», «мир растений», «формы ландшафта», «водные тела» и «метеоусловия», которые и составили фреймы данной метафоры.

2.2.1 ФРЕЙМ «МЕТЕОУСЛОВИЯ»

В метафорическом моделировании в рамках этого фрейма участвуют различные погодные условия. Слоты в структуре данного фрейма, наблюдаемые в анализируемом материале: туман, облачность и ветер.

Слот «туман» можно проиллюстрировать следующим примером:

“You’re looking at the situation through a red haze of hate,” he said. (Look at the Birdie)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» дает такое определение лексеме «haze»: «smoke, dust, or mist in the air which is difficult to see through». Главный герой не способен непредвзято оценить ситуацию, так

как его взгляд «затуманен» ненавистью. Другими словами, его эмоциональное состояние мешает ему правильно оценивать окружающую действительность. Метафорический перенос основывается на компоненте «возможность видеть».

Слот «облачность»:

*“I want things the way they were,” she said, **clouding up**. (Shout about it from the Housetops)*

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» лексема «cloud up» определяется как «to cover something with clouds», «to become less clear and more difficult to see through», а также «if the sky clouds over, it becomes dark and full of black clouds». Таким образом, подразумевается, что одновременно происходит ухудшение видимости и затемнение среды. Метафорический сдвиг происходит именно на основании этих двух компонентом значения лексемы. Это слово употребляется в ситуации, когда небо затягивается облаками, или если туман заволакивает какую-то местность, или в случае, когда жидкость мутнеет. Главная героиня рассказа, из которого взят анализируемый контекст, вспоминает, какой ее жизнь была раньше. При этом она мрачнеет, так как, судя по реплике, ей не нравятся изменения в ее жизни, и отстраняется от мира, уходит в себя, чтобы не видеть произошедших изменений.

2.2.2 ФРЕЙМ «ВОДНЫЕ ТЕЛА»

В рамках данного фрейма в метафорическом моделировании участвуют различные водные объекты, такие как реки, моря и др. В структуре этого фрейма содержатся слоты «акватория», «основной поток реки» и «судоходная река», встречающиеся в анализируемом материале. Далее мы рассмотрим контексты употребления упомянутых слотов.

Слот «акватория»:

“Well,” he said, “having been caught fishing illegally in the waters of human misery, I have returned my entire catch to the muddy stream.” (Look at the Birdie)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» объясняет значение лексемы «water» во множественном числе как «a large area of water». Принимая во внимание тот факт, что в этом большом водном пространстве можно рыбачить, можно сделать вывод, что подразумевается какой-то водоем и его акватория. Получается, что человеческие страдания отождествляются с водоемом, илистой рекой с мутными водами. Страдающие люди при этом уподобляются рыбам, живущим в этой реке, так как герой рассказа, которому принадлежит эта реплика, пытался «выудить» их оттуда, но вынужден был вернуть обратно весь свой улов.

Слот «основной поток реки» можно проиллюстрировать следующим примером:

Madelaine had once characterized him as standing on the edge of the mainstream of life, smiling and saying, “Pardon me,” “After you,” and “No, thank you.” (The Nice Little People)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «stream» как «a natural flow of water that moves across the land». Получается, что героиня рассказа описывает своего мужа стоящим на краю потока жизни, пропуская вперед всех остальных людей. Слово «mainstream» имеет также значение «the most usual ideas», а значит, имеется в виду, что этому герою не нужны традиционные блага жизни. В рассказе этот персонаж не стремится к материальным благам.

Следующий контекст иллюстрирует слот «судоходная река»:

The city was Indianapolis, the largest city not on a navigable waterway in the world. (Hall of Mirrors)

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» дается такое толкование лексемы «waterway»: «a river or canal that boats travel on». Прилагательное «navigable» означает «deep enough for ships to travel on». То

есть, подразумевается, что это такая река или канал, по которым можно куда-то уплыть из города. В анализируемом контексте за синтагмой «navigable waterway» следует уточнение «in the world», а значит, задается точное направление. Получается, что в рассказе описывается город, из которого нет выхода. В дальнейшем в рассказе развивается эта мысль.

2.2.3 ФРЕЙМ «ФОРМЫ ЛАНДШАФТА»

В рамках этого фрейма происходит метафоризация различных форм ландшафта. В анализируемом материале он представлен слотами «возвышенность», «расщелина» и «ландшафт».

Слот «ландшафт» можно найти в следующем контексте:

*He glanced nervously at the couch, and saw that the little people, who had been motionless for half an hour, were beginning to stir, to explore the slick, plum-colored **terrain and flora of tufts in the cushion.** (The Nice Little People)*

Лексема «terrain» в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» определяется как «a particular type of land», а лексема «flora» объясняется так: «all the plants that grow in a particular place or country». Характер почвы и особенность растительности на ней вместе составляют ландшафт какой-то местности. В анализируемом контексте человечки, прилетевшие на Землю с другой планеты, оказываются настолько маленькими, что поверхность дивана состоит для них из холмов, гор и ущелий, которые они намереваются исследовать, не подозревая, насколько малы они в масштабе Земли.

Остальные контексты для иллюстрации слотов данного фрейма взяты из того же рассказа.

Слот «возвышенность» можно проиллюстрировать следующими примерами:

1) *Using his fingertip, he made a circle of dabs around the center of a saucer, leaving **mounds of peanut butter, mayonnaise, oleomargarine, minced***

ham, cream cheese, catsup, liver pâté, grape jam, and moistened sugar. (The Nice Little People)

2) *He chuckled to himself as he loaded a tray with bottles and jars and cans that now seemed enormous to him, literal mountains of food. (The Nice Little People)*

Лексема «mound» определяется в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» как «a pile of earth or stones that looks like a small hill», а также как «a large pile of something». Для лексемы «mountain» даны следующие дефиниции: «a very high heel» и «a very large pile or amount of something». Таким образом, в обоих контекстах мы имеем дело со стертыми метафорами. Кусочки еды на тарелке кажутся маленьким пришельцам горами.

Слот «расщелина» иллюстрируется следующим примером:

...little people shrieked, making sounds like the high notes of a music box, and scrambled toward the cleft where the cushion met the back of the couch... (The Nice Little People)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «cleft» как «a natural crack in something, especially the surface of rocks or the Earth etc». Таким образом, диванные подушки сравниваются со скалами, а щели между ними с ущельями.

В рассказе «The Nice Little People» встречается много примеров метафоризации форм природного ландшафта, благодаря которым читатель может оценить, насколько пришельцы малы и беззащитны, как велик и груб наш мир по отношению к маленьким людям. Для рассказов К. Воннегута характерны не только языковые метафоры, но и метафоризация описываемых ситуаций. Главный герой рассказа, который и находит первым маленьких человечков, оказывается неспособным контролировать свою собственную жизнь: он не в силах сделать ничего, когда его жена, более успешная чем он сам, уходит от него к своему начальнику.

2.2.4 ФРЕЙМ «СТАДИИ ЖИЗНИ РАСТЕНИЙ»

Растения – это одна из неотъемлемых составляющих живой природы, стадии жизни растения связаны с природными циклами и также участвуют в концептуализации окружающей действительности. В структуре данного фрейма наблюдаются слоты «цветение» и «гниение», наблюдаемые в анализируемом материале.

Слот «цветение» можно проиллюстрировать таким примером:

*The frail counterman and the three other customers, all men, watched Red with amiable surmise, as though ready **to bloom with broad smiles** at the first sign of friendliness from him. (Hello, Red)*

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» дается такое объяснение лексеме «bloom»: «if a plant or a flower blooms, its flower appear or open». Получается, что описываемые в анализируемом контексте персонажи – это растения, на которых вот-вот распустятся цветы-улыбки.

Противоположный слот, «гниение», можно проиллюстрировать примером из другого рассказа:

*“This is no place for a pretty, clever, ambitious, charming little girl like you,” said Fuzz unevenly. “Stay here and **you’ll rot!**” (Fubar)*

Для лексемы «rot» в словаре «English Dictionary of Contemporary English» есть такое объяснение: «to decay by a natural gradual process». Судя по данным в словаре примерам, этот глагол употребляется при описании разлагающихся растений. Герой рассказа, которому принадлежит анализируемая реплика, отговаривает новую коллегу, юную девушку от такой работы. Очевидно, что он сравнивает ее с растением, только что распустившимся цветком, называя ее красивой, умной и амбициозной молодой девушкой, и ее амбиции должны принести плоды, а не сгнить вместе с ней на таком нелепом и бессмысленном рабочем месте.

2.2.5 МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ВОДА – ЭТО РЕЧЬ»

Сферой-источником в данной метафорической модели выступает плеск воды или любой другой шум, особенно неприятный, вызываемый движением воды. Сферой мишенью являются разговоры, обсуждения, сплетни. Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «звук».

В анализируемых рассказах эта метафорическая модель представлена единственным фреймом «водные объекты, производящие шум», структура которого состоит из слота «водокачка».

Сферой-источником данного фрейма выступают водные объекты и сооружения, которые производят шумное движение водных масс. В анализируемых рассказах этот фрейм представлен слотом «водокачка»:

*I ran to where the screaming was coming from, and I saw that **an old rusty pump was making all the noise**. (Shout about it from the Husetops)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» фразу «to make a noise about something» определяет как «to talk about something a lot, so that people will notice it». Номинативная конструкция «old rusty pump» создает образ старой, ржавой, возможно, забитой камнями водокачки с застоявшейся водой. Тема застоявшейся воды, а также шума, производимого водой, поддерживается названием населенного пункта, в котором разворачивается действие – «Crocker's Falls» (крокодилы, на которых намекает название, живут как раз в таких водоемах), а также упоминанием, что этот населенный пункт находится глубоко на юге страны:

I don't generally sell that far south, don't know many people down that way. (Shout about it from the Husetops)

Этот же слот встречается в примерах:

1) *But **it might as well have been a woman screaming**, because **a woman was making the pump scream**, and the woman looked like she was just about to scream, too. (Shout about it from the Husetops)*

2) *The second time she got going, **the pump screamed so loud** it brought her husband to the kitchen door. (Shout about it from the Husetops)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» дает такое определение лексеме «to scream»: «to make a loud high noise you're your because you are hurt, frightened or excited». Происходит уподобление шума от выплескивания воды и крика на основании компонента «громкий звук». Анализируемый пример взят из рассказа, в котором поступок главной героини вызвал бурное обсуждение в небольшом населенном пункте, где она жила.

Следующий контекст взят из той же ситуации:

*Water was going into a bucket that was already full, **splashing down over the sides**, spreading out on the ground. (Shout about it from the Housetops)*

Анализируемый контекст создает очень яркий образ: вода сильной струей льется с шумом в уже полное ведро, водные массы переваливаются через края, с шумом разбиваются о землю, и волнами катятся по земле.

Глагол «to splash» объясняется в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» так: «if a liquid splashes, it hits or falls on something and makes noise». Примечательно, что в словаре дается еще такое толкование этого слова, хоть и неформальное: «if a newspaper or television programme splashes a story or a picture on the page or screen, it makes it large and easy to notice». Возьмем на себя смелость предположить, что ведро в рассказе символизирует маленький и не очень развитый провинциальный городок. И тогда получается, что главная героиня своим поступком вызвала такие яростные обсуждения, что ее окружение не смогло его вместить, и сплетни начали «выливаться через край» и распространяться по всей стране.

Все объекты, выступающие сферой-источником метафорического переноса, имеют непосредственное отношение к жизнедеятельности человека, а значит, рассмотренной метафорической модели свойственна антропоцентричность.

2.3 АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА

Данная метафора представляет собой такой тип метафоры, в которой разнообразные предметы и явления объективной действительности отождествляются с миром вещей, произведенных человеком. Даже в жизни, в объективной действительности среди людей принято ассоциировать аспекты своей жизни с вещами и предметами, возводя их в ранг символов: обручальные кольца, сувениры из поездок, обереги, зеркала наделяются особым значением в сознании людей, которым они принадлежат. Именно на этот механизм опирается артефактная метафора. Предметы, окружающие литературных героев, могут транслировать их чувства, образ жизни, отношение к себе и окружающим. Метафоризация предметов окружающей действительности характерна и для анализируемых рассказов К. Воннегута.

2.3.1 МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ОДЕЖДА – ЭТО ВНУТРЕННЕЕ ОЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

Как свидетельствуют археологические исследования, одежда появилась на самых ранних стадиях развития человеческого общества. В те времена функцию одежды в нашем понимании этого слова выполняли шкуры животных. Они использовались, чтобы защитить человеческое тело от угрозы извне, как реальной – например, холод, так и мнимой – одежда была «амулетом», символически ограждающим уязвимое тело.

На следующих этапах развития общества одежда становилась символом принадлежности человека к определенному социальному слою, указывала на род занятий, семейное положение. Так, с помощью одежды люди посылали окружающим определенные сигналы.

Сейчас человек волен сам выбирать одежду, общественные порядки не предписывают ни цвет, ни форму, ни длину, однако одежда сохранила все накопленные функции и назначения. Можно с уверенностью сказать, что одежда – это своеобразный язык, на котором мы «общаемся» с миром:

отвечаем на его воздействие, производим собственное высказывание, неосознанно проецируем свое внутреннее состояние.

Метафорическая модель «одежда – это внутреннее ощущение человека» отражает способность одежды выражать внутреннее состояние человека.

Фреймы данной модели, представленные в рассказах:

1. действия, производимые с одеждой (слоты: снять одежду, подходить как одежда);
2. стиль одежды (слоты: домашняя одежда, костюм, высокий каблук)

Далее мы рассмотрим эти фреймы подробно.

2.3.1.1 ФРЕЙМ «ДЕЙСТВИЯ, ПРОИЗВОДИМЫЕ С ОДЕЖДОЙ»

Фрейм «действия с одеждой» в структуре метафорической модели «одежда – это внутреннее ощущение человека» опирается на метафоризацию таких действий, производимых с одеждой, как, например, надевание, снятие одежды, примерка, и т.д. В рассказах К. Воннегута сферой-мишенью таких метафор являются чувства человека.

Слот «снятие одежды»:

The cool, deep water did not fail him. It shocked him delightfully, stripped away his feelings of paleness and scrawniness. (Fubar)

Лексема «to strip» в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» означает «to take off your clothes or to take off someone else's clothes». Лексема «strip away» в том же словаре подразумевает, что «снимается» что-то защитное, то, что защищает от чего-то: «to remove something, especially something that hides or protects someone or something». Таким образом, мы понимаем, что чувство собственной несовершенности ограждали героя от полноценной жизни, как одежда, но вода «сорвала» ее с него.

Слот «примерка одежды»:

*Fuzz Littler, for instance, was fubar in the General Forge and Foundry Company. He was familiar with the word fubar—had to hear it only once to know **it fit him** like a pair of stretch nylon bikini shorts. (Fubar)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» дает такое определение лексеме «to fit»: «If a fit of clothing fits you, it is the right size for your body». Получается, что слово очень хорошо подходит главному герою, как могут подходить эластичные плавательные трусы. Нелепость упоминания этого предмета одежды в данном контексте отвечает нелепости жизненных условий, в которых оказался персонаж. Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «подходить».

2.3.1.2 ФРЕЙМ «СТИЛЬ ОДЕЖДЫ»

Данный фрейм в структуре метафорической модели «одежда – это внутреннее ощущение человека» метафоризирует стиль одежда, которую носит персонаж. В структуре этого фрейма можно выделить слоты «домашняя одежда», «деловая одежда» и «высокий каблук», которые встречаются в рассказах К. Воннегута.

Слот «домашняя одежда» метафоризирует ситуацию, когда персонаж одет в какой-либо свободный, удобный, мягкий и бесформенный предмет домашней одежды – халат, пижаму, домашнее платье. Метафорический сдвиг происходит на основании компонента «назначение одежды», то есть, для чего герой ее надевает.

1) *I don't think he'd been **out of the pajamas and bathrobe** for a week, either. They had a very lived-in look.... (Shout about it from the Housetops)*

2) *«Before I can leave this house in good conscience, I want to make sure it's absolutely safe and snug for **a man who lives in his pajamas**».* (Shout about it from the Housetops)

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет слово «pajamas» как «a soft pair of trousers and a top that you wear in bed» и

«loose trousers that are tied around the waist». Мы получаем образ человека, жизнь которого проходит в широкой бесформенной пижаме и халате, запустившего себя и свою жизнь.

Слот «высокий каблук» можно проиллюстрировать примером:

*And, like so many girls on their first day, Francine was what one of her pamphlets would call «overdressed for work». **The heels of her shoes were much too slender and high.** (Fubar)*

Слишком высокие каблуки демонстрируют завышенные ожидания и риск разочарования.

Рассмотренной метафорической модели свойственна антропоцентричность, так как все объекты, выступающие сферой-источником метафорического переноса, имеют непосредственное отношение к жизнедеятельности человека.

2.3.2 МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «КНИГА – ЭТО ЖИЗНЬ»

Книжный лист, страница в русском языке – это активные участники метафорического моделирования. Это можно проиллюстрировать, например, такими выражениями, как «начать с чистого листа», «исписанный лист», «исписанная страница», «это всего лишь одна страница в книге». Если лист – это какой-то опыт, жизненный период, этап, то книга – это собрание таких этапов. Именно эта идея содержится в данной метафорической модели.

В английском языке лексема «book» содержится в следующих устойчивых выражениях: to shut the books – прекратить какое-то дело; to take a leaf out of somebody's books – следовать чьему-либо примеру; to be in somebody's good/bad books – быть у кого-то на хорошем/плохом счету. Все эти выражения содержат в своем значении отсылку к чьему-то опыту. Метафорическая экспансия в модели «книга – это жизнь» происходит на основании именно этого компонента значения.

В анализируемом материале эта метафорическая модель представлена фреймом «общее наименование», структура которого состоит из слота «книга»:

1) *She was **the heroine in her own book.** (Shout about it from the Housetops)*

2) *“There isn’t going to be **any next book!**” she said. “There isn’t going to be **any next anything!** I’m getting out of here for good!” (Shout about it from the Housetops)*

Оба контекста взяты из рассказа, где метафоризируется сама ситуация публикации книги: главная героиня публикует книгу, в которой она достоверно и очень подробно описала свои отношения с мужем, тем самым выставив напоказ их личную жизнь. Это вызывает семейную размолвку, и женщина пытается покинуть дом со словами *“There isn’t going to be **any next book!**”* И если книга – это их личная жизнь, то, раз следующей книги не будет, значит, у этой семьи тоже не будет продолжения, что подтверждается словами героини: *“There isn’t going to be **any next anything!** I’m getting out of here for good!”*

Для рассказов К. Воннегута как произведений короткой психологической прозы характерна метафоризация ситуации, которая не всегда и не полностью подкрепляется метафоризацией лексических единиц.

2.3.3 МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ»

Благодаря мировой индустриализации, научно-техническому прогрессу, использованию простых и сложных механизмов в быту, в процессе метафоризации начали активно участвовать новые донорские зоны.

Механизм, его структура и составляющие стали выступать в качестве сферы-источника в метафорическом описании человека. Человек стал часто сравниваться с механическим устройством, сердце – с двигателем или мотором, мышление – с компьютерными процессами, пища – с топливом. В метафорической модели «человек – это механизм» сферой-источником является механизм и его компоненты, а сферой-мишенью – человек.

Фреймовая структура данной метафорической модели включает фреймы «общее наименование», «действия, производимые с механизмами».

2.3.3.1 ФРЕЙМ «ОБЩЕЕ НАИМЕНОВАНИЕ»

Структура этого фрейма в анализируемых рассказах представлена слотом «механизм».

Foltz's stubby hands worked in air. "I assume you've got something you hypnotize people with. A light or something they stare at?"

*"No," said Weems. "**I'm all the apparatus there is.**" (Hall of Mirrors)*

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» определяет лексему «apparatus» как «the set of tools and machines that you use for a particular scientific, medical or technical purpose». Человек определенной профессии отождествляется с механизмом, выполняющим определенную функцию. Таким образом, метафоризация возможна благодаря уподоблению человека и механизма по функции их применения.

*He was intelligent and healthy, but decent to a point that crippled him as master of his home or **an accumulator of wealth.** (The Nice Little People)*

Лексема «accumulator» определяется в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» как «a part of a computer that stores numbers, information or energy». При этом лексема «accumulate» имеет два лексико-семантического варианта в упомянутом словаре. Один из них «to gradually get more and more money, possessions, knowledge, etc». Таким образом, метафора соединяет

накапливающий энергию прибор и человека, увеличивающего свое материальное состояние.

You know—you get to kind of thinking of the bridge tender as just kind of part of the machinery. (Hello, Red)

Смотритель механического моста в рассказе называется одной из частей механизма.

В трех рассмотренных выше примерах метафоризация происходит благодаря отождествлению человека и механического прибора на основании одинаковости выполняемых ими функций.

Однако в следующем примере метафорическая экспансия возможна на основании другого компонента.

“What’s that, Red?” said Slim, who was now an automaton. (Hello, Red)

Лексема «automaton» определяется как «a machine, especially one in the shape of a human, that moves without anyone controlling it» и «someone who seems unable to feel emotions or to think about what they are doing». Персонаж рассказа впадает в состояние безэмоционального робота. Метафоризируется состояние робота, которое сравнивается с состоянием человека.

2.3.3.2 ФРЕЙМ «ДЕЙСТВИЯ, ПРОИЗВОДИМЫЕ С МЕХАНИЗМАМИ»

В рамках данного фрейма содержатся случаи метафоризации производимых с механизмами действий при описании жизни человека. Структура данного фрейма в анализируемом материале представлена слотами «зарядка аккумулятора» и «подключение к сети»:

Слот «зарядка аккумулятора» представлен следующим примером:

And then his wife came in, all charged up for a new scene, the biggest scene yet. (Shout about it from the Housetops)

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» дает такую дефиницию лексеме «to charge up»: «if a battery charges, or if you charge it, it

takes and stores electricity». Героиня отдохнула и «скопила» силы и энергию для дальнейших действий. Метафорическая экспансия происходит на основании компонента «накопление энергии».

Слот «подключение к сети» наблюдается в следующем примере:

Something to do with the way the brain and the ears are hooked up.
(*Confido*)

Лексема «hook-up» в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» определяется как «temporary connection between two pieces of equipment such as computers, or between a piece of equipment and an electricity or water supply». То есть, человеческий мозг и уши сравниваются с частями электрического прибора, которые связаны друг с другом и функционируют как одно целое с помощью электрического соединения.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Каждому писателю характерно наличие своих собственных метафорических моделей, частотность и доминантность которых определяют специфику его уникального и неповторимого идиостиля и особенности картины мира. В конкретном социальном и историческом контексте различные метафорические модели становятся более или менее доминантными, значимость их увеличивается или уменьшается в зависимости от культурно-исторической среды.

Целью нашей работы было определить особенности метафорического моделирования в рассказах К. Воннегута «Confido», «Fubar», «Shout About it from the Housetops», «A Song for Selma», «Hall of Mirrors», «The Nice Little People», «Hello, Red», «The Honor of a Newsboy», «Look at the Birdie», «The Good Explainer», «The Big Space Fuck».

Было выявлено, что ключевые концепты, участвующие в метафорическом моделировании в анализируемых рассказах, относятся к трем доминантным донорским зонам. Одна из них связана с человеком, частями его тела и жизнедеятельность организма. Концепты, относящиеся к этой зоне, участвуют в образовании антропоморфных метафор. Вторая сфера-источник образована из объектов живой и неживой природы, и, следовательно, ее концепты участвуют в производстве природоморфных метафор. Третью доминантную донорскую зону включает в себя предметы человеческого быта и производит артефактные метафоры. Во второй главе мы подробно рассмотрели эти три типа метафор в анализируемых рассказах К. Воннегута.

Антропоморфная метафора основывается на сопоставлении предметов и явлений объективной действительности с человеком, человеческим организмом и аспектами его жизнедеятельности, а также с человеческими качествами. Использование метафоры данного типа характерно для метафорического моделирования в рассказах К. Воннегута. Можно обозначить эту метафорическую модель как: ОБЪЕКТ ОКРУЖАЮЩЕЙ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Эта метафорическая модель объединяет образы, основанные на сопоставлении неодушевленных предметов и человеческого организма. Фреймо-слотовая структура этой метафоры состоит из пяти фреймов. Фрейм «части тела и органы» опирается на метафоризацию частей и органов человеческого тела и содержит в своей структуре слоты «сердце» и «носовые проходы». Фрейм «здоровье, болезни, лечение» метафоризирует такой аспект человеческого тела как состояние здоровья, его структура состоит из слотов «здоровье» и «болезнь». В рамках фрейма «физиологические и физические действия» происходит метафоризация физиологических процессов и физических действий, производимых организмом, он разделяется на слоты «дыхание», «испражнение» и «отрыгивание». Фрейм «состояния организма» опирается на метафоризацию состояний человеческого организма, он содержит слоты «жизнь» и «смерть» в своей структуре. Фрейм «человеческие качества» опирается на приписывание предметам человеческих качеств, чувств, свойственных человеку и содержит слоты «беспомощный» и «болезненный». Этот тип метафоры можно с уверенностью назвать самым частотным для анализируемого материала.

В группу природоморфных метафор входят метафоры со сферой-источником «природа», в которых отождествляются аспекты социальной жизни, взаимоотношения с людьми, периоды своей жизни, события в ней, и даже свои чувства, эмоции и настроение с объектами живой и неживой природы. Структура этой метафоры разделена на четыре фрейма, совпадающих с четырьмя разными источниками метафорической экспансии. В рамках фрейма «метеоусловия» в метафорическом моделировании участвуют различные погодные условия. Слоты этого фрейма: «туман», «облачность» и «ветер». Для фрейма «водные тела» характерно участие в метафорическом моделировании различных водных объектов, его структуру составляют слоты «акватория», «основной поток реки» и «судоходная река». Фрейм «формы ландшафта» охватывает случаи метафоризации различных

форм местности и представлен слотами «возвышенность», «расщелина» и «ландшафт». Фрейм «стадии жизни растений» включает случаи метафоризации различных периодов жизни, он состоит из слотов «цветение» и «гниение».

В структуре этой метафоры также содержится метафорическая модель «ВОДА – ЭТО ЗВУК». Сферой-источником в данной метафорической модели выступает плеск воды, а сферой-мишенью являются разговоры, обсуждения, сплетни. Эта метафорическая модель представлена в анализируемых рассказах единственным фреймом «водные объекты, производящие шум», структура которого состоит из слота «водокачка».

Артефактная метафора представляет собой такой тип метафоры, в которой разнообразные предметы и явления объективной действительности отождествляются с миром вещей, произведенных человеком. В группу артефактных метафор входят три метафорических модели.

Метафорическая модель «ОДЕЖДА – ЭТО ВНУТРЕННЕЕ ОЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА» отражает способность одежды выражать внутреннее состояние человека. В структуре этой метафорической модели мы выделили два фрейма. Фрейм «действия, производимые с одеждой» опирается на метафоризацию производимых с одеждой действий. Слоты данной данного фрейма: «снятие одежды» и «примерка одежды». В рассказах К. Воннегута сферой-мишенью таких метафор являются чувства человека. Фрейм «стиль одежда» метафоризирует принадлежность одежды которую носит персонаж к какому-то стилю. В структуре этого фрейма можно выделить слоты «домашняя одежда» и «высокий каблук».

Метафорическая модели «КНИГА – ЭТО ЖИЗНЬ» подразумевает метафоризацию книжного листа, страницы. В составе этой метафорической модели можно выделить слот «книга».

В метафорической модели «ЧЕЛОВЕК – ЭТО МЕХАНИЗМ» сферой-источником является механизм и его компоненты, а сферой-мишенью – человек. Механизм, его структура и составляющие метафорически

отождествляются с человеком. Фреймовая структура данной метафорической модели включает в себя два фрейма. Структура фрейма «общее наименование» в анализируемых рассказах представлена слотом «механизм». В рамках фрейма «действия, производимые с механизмами» содержатся случаи метафоризации производимых с механизмами действий при описании жизни человека. Структура данного фрейма в анализируемом материале представлена слотами «зарядка аккумулятора» и «подключение к сети»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования нами была поставлена цель исследовать концептосферу рассказов К. Воннегута, выбранных нами в качестве образцов краткой психологической прозы.

Для реализации этой цели мы рассмотрели основные подходы к изучению концепта, главные направления в изучении дискурса, наиболее актуальные подходы к изучению метафоры, затронули вопрос исследования языковой картины мира, а также выявили основные методы исследования в когнитивной лингвистике, и описали результаты в Первой главе нашего исследования.

Далее мы исследовали выбранные для анализа рассказы К. Воннегута на предмет употребления концептуальных метафор и выявили основные концепты, с помощью которых осуществляется метафорическое моделирование в данных рассказах. Выявленные особенности метафорического моделирования, а также основные концепты и доминантные донорские зоны, с помощью которых осуществляется метафорическое моделирование в выбранных рассказах К. Воннегута, мы описали во Второй главе исследования.

В целом, на основании нашего исследования можно сделать следующий вывод. Для метафорического моделирования в рассказах К. Воннегута, которые мы изучали в качестве образцов короткой психологической прозы, характерно использование концептов, которые относятся к трем доминантным донорским зонам: человек, части его тела и жизнедеятельность организма, объекты живой и неживой природы, предметы человеческого быта. Концепты этих трех сфер-источников участвуют в производстве антропоморфных, природоморфных и артефактных метафор соответственно. Эти концепты доминируют в языковой картине мира писателя.

Наше исследование имеет свои перспективы. На наш взгляд оно может стать ступенью в изучении рассказов К. Воннегута и других авторов короткой психологической прозы, а также выявлении общих векторов метафорического моделирования в короткой психологической прозе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
3. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. – Минск: Литература, 1998. – С. 1097.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 336.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–33.
7. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика), // Лингвистика и поэтика. – М.: Прогресс, 1979. – С. 168.
8. Арутюнова Н. Д, Журина М. А Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. Яз., – М.: Прогресс, 1990. – 512 с. – С.31.
9. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дисс. док. филол наук, – Волгоград, 2004. – 438 с.
10. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. науч. ст. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
11. Богатова С. М. Концепт дом как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. канд. филол. наук, Омск. гос. ун-т. – Омск: [б. и.], 2007. – 176 с.
12. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса : учеб. пособие, Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – С. 8.
13. Верли М. Общее литературоведении. – М.: Наука, 1957. – 384 с.
14. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / Антология концептов. Т.1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 512 с.

15. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
16. Гаспаров Б. М. Язык, Память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. – 352 с.
17. Григорьев В. П. Поэт и слово. – М.: Русский язык, 1979 – С. 60 – 62.
18. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
19. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
21. Карасик В.И. Религиозный дискурс. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград.: Перемена: 1999. – С. 5.
22. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 39.
23. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
24. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – С. 53 – 55.
25. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1993. – С. 245.
26. Лакофф Дж., Джонсон М. Metaphors We Live by. // Теория метафоры. – Едиториал УРСС, 2004 – 256 с. – С. 25.
27. Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи. – Л.: Художественная литература, 1925. – С. 43 – 51.
28. Леонтович О. А. Коммуникативные стратегии иерархического общения, авторитетность и коммуникация // Аспекты языка и коммуникации. Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – ч. IV – 302 с.

29. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 280 с.
30. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
31. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1970. – С. 11.
32. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия АН. Серия литературы и языка. – М.: РАН, 1997. – Т.56. – №4. – С.52 – 59.
33. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма// Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 80 – 85.
34. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512с. – С. 305.
35. Олешков М. Ю. Когнитивный аспект лингвистического анализа текста дискурса. // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: матер. ежегодной междунауч. конф., Екатеринбург, 5 – 6 февраля 2010 г. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – ч. I – с. 325 – 331. – С. 58.
36. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
37. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 115.
38. Петров В.В., Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация: Сборник статей. – М.: [б. и.], 1989. – С. 35 – 42.
39. Прокопьева А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова: дис. канд. филол. наук; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 233 с.
40. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
41. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика. – М.: Русские словари, 1998. – С. 294

42. Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 46.
43. Русакова О. Ф. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: Институт международных связей, 2008. – 340 с.
44. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 152 с.
45. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
46. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. под ред. Ю. С. Степанова – М.: Изд. Центр РГГУ, 1995. – С. 35 – 73.
47. Стернин И. А. Коммуникативное поведение. Профессиональная коммуникативная личность. – Воронеж: Истоки, 2007. – 194 с. – С. 99
48. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1981. – С. 48 – 49.
49. Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 53 – 87.
50. Тубалова И. А. Коммуникативные модели обращения к «чужому голосу» в разговорно-бытовом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики: в. 3 т. ред.-сост. Н. Н. Болдырев. – М.: Институт языкознания РАН, 2010. – С. 75.
51. Фрейденберг О. Античные теории языка и стиля – Л.: ОГИЗ, 1936. – 341с. – С. 110.
52. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне; пер. с нем. М. М. Беляева и др. – М.: Весь мир, 2003. – С. 97 – 99.
53. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151. – С. 3 – 37.
54. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сборник научных статей. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11.

55. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б. и.], 2001. – 238 с.
56. Эко Э. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Спб.: Петрополис, 1998. – С. 47.
57. Black M. Models and metaphors // Studies in language and philosophy . Ithaca. – N.Y., 1965. – P. 39 – 41.
58. Jamison K. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech. – 1980. Vol. 66. – P. 51 – 72.
59. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston // Houghton Mifflin. – 1976. – P. 50.
60. LaKoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. // Cambridge: Cambridge University Press. – 1993. – 203 p. – P. 91.
61. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 2: Descriptive application. – Stanford.: Stanford University Press, 1991. – 151 с.
62. Richards I.A. The philosophy of Rhetoric. – N.Y., 1965. – 284 p.
63. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. – 1967. – P. 115.

Список лексикографических источников

1. Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, 2007.
2. Cambridge Dictionaries Online [Online]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/>. (дата обращения 05.04.2016)
3. Macmillan Dictionary [Online]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>. (дата обращения 06.04.2016)
4. Oxford Dictionaries [Online]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения 15.04.2016)
5. Merriam Webster [Online]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>. (дата обращения 22.04.2016)